

графии видны художественные достоинства и вполне дионисиевский стиль этого произведения.

Иконный Федор Стратилат эпохи Дионисия облегчает анализ происхождения образа его воинов. Истоки присущей им манерной аффектации жеста можно видеть в проникнутой умышленным архаизмом всеегонской иконе Бориса и Глеба. В обоих памятниках широко расставленные ноги схоже несут легкие тела. Одинаково соотношение удлинненных лиц с пышными волосами и широкими нимбами. На обеих иконах изысканные воинские атрибуты, выходя за внешние контуры фигур, четко рисуются на светлом фоне. Они сообщают образам воинов песенную приподнятость, отвечающую праздничному изяществу одежды. Аналогичен прием искажения реальных пропорций человеческого тела: слишком малы головы и руки, непомерно широки плечи, преувеличена высота роста. Поза и жест схоже приобретают почти орнаментальный ритм. Художественный строй образа на обеих иконах подобен былинной метафоре.

Именно туда, в былинную Русь, в «преухищенное узорочье» языческих чудских образов, уходят истоки чародейного творчества Дионисия.

Произведения Дионисия порождены русским христианством, отмеченным еще и в XV в. ярким двоеверием, придававшим привычный магически-колдовской характер образам государственной религии. Христианские песнопения переплетались в народных представлениях с языческими заклинаниями. Возвышенная красота византийских религиозных персонажей приобретает особую прелесть, проникаясь языческой народной эстетикой. Так родилась русская обрядовая поэзия. Она выразилась у Дионисия в ритме композиции, в жестах фигур, в орнаментах одежд и зданий, в обликах его персонажей.

Своеобразие Дионисия, ощущение иной стихии в его творчестве по сравнению с академическим, совершенным для Древней Руси наследием Андрея Рублева было осознано уже в середине XVI в. Об этом можно судить по вопросам и ответам на Стоглавом соборе 1551 г.

Собор имел целью восстановление старины, так как «поисшатались обычаи и самовластие учинилось по своим волям и предние законы порушились». В области живописи во всех спорных вопросах собор обращается к авторитету «старых писем и греческих». Из русских художников образцом должен быть Андрей Рублев: мастерам середины XVI в. рекомендуется писать так, как делал это «пресловущий» мастер, «а от своего замышления ничтоже предтворяти». Обыкновенно принято распространять смысл этого определения Стоглавого собора и на Дионисия и считать его творчество продолжением и развитием искусства Рублева. Между тем собор в соответствии с представлениями своего времени держался иного мнения: достойными подражания признаны «старые письма»; к ним не могли в середине XVI в. причислить живопись художника, умершего до того за несколько десятилетий. Сам Иван Грозный, оглашая собору программу его занятий, определяет ее так: «... порассудите и уложите и утвердите ... которые обычаи в прежние времена, после отца моего великого князя Василия Ивановича всяя Руси и до сего настоящего времени поизшатались, или в самовластии учинено по своим волям, или предания законы порушены ... о всем о сем доволно себе духовно побеседуйте и посоветуйте и нам известите».⁵⁸ Рассмотрев «государственное управление и всякое земское строение» в области «исправления церковного благочиния», Собор постановил: «... да и о том святи-

⁵⁸ Стоглав. СПб., 1863, стр. 40.